

*ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

П.В. ПРОХОДА

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
(Краснодарский филиал)
350015, г. Краснодар, ул. Северная, д.360;
e-mail: prohodapv@mail.ru*

В статье рассматриваются подходы к определению толерантности и мультикультурализма в условиях глобализации, а также анализируется западноевропейский опыт и опасности реализации западноевропейского опыта межэтнической политики применительно к Российской Федерации. В работе анализируются различия исторических и социально-политических условий формирования практики мирного сосуществования в Западной Европе и России.

Ключевые слова: культура, толерантность, мультикультурализм, либеральные идеи, ассимиляция, миграция, мирное сосуществование.

Начало XXI века – время стремительной трансформации практически всех социальных институтов, в том числе и культуры. К настоящему времени глобализация причудливо сплела воедино национальное и общечеловеческое, инновационное и консервативное, светское и религиозное, лояльное и непримиримое. Однако опыт цивилизационного развития диктует необходимость трансформации отдельных ключевых для современного общества понятий и подходов. Так, есть насущная потребность в новом осмыслении красивых и гуманных лозунгов, которые десятилетиями внедрялись в сознание рядового европейца – в частности идеи толерантности и мультикультурализма. Последствия этой идеологической концепции проявились не сразу, и только второе десятилетие нового XXI века позволило представить дальнейшую логику развития ситуация в рамках традиционных европейских ценностей. В этой связи представляется актуальным проанализировать ценность и применимость к нашей отечественной действительности «священной коровы» западных ценностей – понятия толерантности.

Толерантность появилась из потребности в мирном сосуществовании. Она, как таковая, отсутствует там, где модель взаимодействия исходит из

принципа абсолютного господства и абсолютного же подчинения. Так, не приходится говорить о толерантности времен всех великих войн и военных колонизаций – например колонизации Северной Америки [1, с. 124].

Идея либеральной терпимости появилась как необходимость компромисса между католиками и протестантами в XVII в., причем, интересно то, что при полной победе какой либо из сторон этого религиозного конфликта, потребность в концепции толерантности и не возникла бы вовсе [2, с. 27].

Основанием терпимости Дж. Локк справедливо считал нравственность, призывая прививать те ценности, которые позволяют обществу стать терпимым, – великодушие, мягкость нравов [3, с. 95]. Таким образом, европейская толерантность возникла как инструмент примирения общества в области религии. Таковым понятие толерантности оставалось для большинства европейцев вплоть до середины XX века.

Достигнув относительной гармонии внутри своих государств, европейцы мало внимания обращали на своих соседей. О толерантности к коренному населению колоний никто и не вспоминал, ну а не слишком значимые социальные группы внутри государства проще было устранить физически, нежели выстраивать модель мирного с ними сосуществования.

В очередной раз идея толерантности понадобилась в середине XX века, сразу после мировой войны, когда ведущие экономики Европы отчаянно нуждались в дешевой рабочей силе. И следующей всплеск идеи толерантности был связан уже с экономическими причинами.

Франция принимала алжирцев, тунисцев, марокканцев, Германия - мигрантов из Турции. Эти мигранты приносили прибыль государству, были полезны с точки зрения экономики и недовольство местного населения стало бы эквивалентом экономических потерь. Дешевые рабочие руки были благом для государства в краткосрочной перспективе. Возможные проблемы в будущем перевешивала осязаемая выгода в настоящем. А проблемы связанные с миграцией проявились достаточно быстро. Германия – яркий тому пример.

Эта страна всегда принадлежала к моноэтническим государствам, в ней жили только немцы. С тех пор, когда Германия, на Востоке и, особенно, на Западе, широко открылась мигрантам, положение начало меняться.

На германской территории образовались компактные этнические общины, наиболее многочисленная из них – турецкая, насчитывающая около трех миллионов человек, многие из которых живут в ФРГ в третьем поколении.

В 1961 году по соглашению с Турцией рабочим из этой страны было предоставлено право на трудоустройство, предполагалось, временное, но практически оно стало неограниченным. В 1981 году бундестаг запретил привозить детей старше 18 лет, а в 1983-м принял закон, поощрявший возвращение турецких иммигрантов на родину, которым мало кто воспользовался.

С возникновением обширной турецкой общины образовались замкнутые этнические анклавы со своими правилами, неписаными законами, которые нередко расходятся с местными законами и Конституцией, сформировалось твердое ядро исламизма в прежде чисто христианской стране. Возникла проблема нежелания значительного числа иммигрантов исламской веры адаптироваться к условиям страны пребывания. "Наша конституция – Коран", – говорят они, отрицая любые формы интеграции [4, с. 72].

Подобную картину можно увидеть во Франции и Англии. За довольно небольшой промежуток времени в этих странах появились сплоченные этнические группы, которые и не собираются интегрироваться в культуру принявших их государств, но которые требуют от этих самых государств всех социальных льгот и привилегий. И такие требования с течением времени становятся все более агрессивными. В такой ситуации понятие толерантности в очередной раз изменилось. Сегодня толерантность для европейцев – это вынужденная мера уже не экономического, а политического характера. Очевидно, что ассимиляция не достигает своей цели в современном западном обществе, испытывающем значительный наплыв иммигрантов из бывших колоний. Лояльное отношение к иноязычным и инокультурным мигрантам –

это попытка откупиться от стремительно растущей, агрессивной чуждой европейцам социальной прослойки.

В толерантном взаимодействии есть только два субъекта – те кто терпит и те кого терпят. Следовательно, толерантность в современном западном ее понимании неизбежно связана с насилием. Если представители культурного большинства не хотят воспринимать политические идеи правящей элиты, то с целью защиты идей толерантности по отношению к ним неизбежно должны последовать меры государственного принуждения – и не всегда это связано с правом. Именно поэтому стала широко культивироваться концепция мультикультурализма. Внешне, идея мультикультурализма более чем благая – признание за каждой этнической (и не только) группой собственной культурной, а то и национальной (даже и в политическом смысле слова) идентичности и требование к обществу равно соответствовать интересам всех таких групп. С мультикультурализмом появилось понятие "политкорректность", а уважение к "другому" перешло в культ многообразия.

Практика мультикультурализма существенно способствовала повышению морального комфорта для этнических меньшинств, и наверняка предотвратила многие конфликтные ситуации. Но как она отразилась на этническом большинстве? К сожалению негативно.

Мультикультурализм одновременно способствовал распространению изначально присущих "праву наций на самоопределение" пороков. Первый – подмена индивидуальных прав человека, на которых базируется современная демократия, правами групповыми, которые требовали уже и нарушения индивидуальных прав (например, в практике позитивной дискриминации). Второй – признание этнической группы реальной, природной (вариант – созданной Богом) сущностью, выступающей как единый субъект общественной жизни. Таким образом мультикультурализм защищает, в ущерб правам большинства, интересы самопровозглашенных групп, возглавляемых, а порой и создаваемых соответствующими активистами – "этническими антрепренерами" [5, с. 64].

И вот уже в толерантной Европе «неполиткорректно» акцентировать внимание на этническом происхождении преступника, или демонстрировать неодобрительную реакцию к представителям нетрадиционной ориентации. Носители традиционной культуры, религии и моральных ценностей становятся изгоями в собственных странах. И главным гонителем выступает собственное же их государство используя широкую палитру инструментов насилия – от правовых нововведений до неузнаваемоизмененной общественной морали, так как идеология либерализма подразумевает, что такие меры сохранят политическую стабильность европейского и мирового общества.

Обратимся теперь к истории нашего государства и попробуем проанализировать возможные последствия усиленно насаждаемых последние два десятилетия либеральных ценностей, и прежде всего толерантности.

Логика исторического развития русского государства не требовала толерантности в ее западноевропейском понимании. В русской культурно-исторической традиции, к русским в широком смысле относились не только русские по крови, но и вообще все владеющие русским языком и принадлежащие к Православной Церкви. Именно конфессиональный аспект был определяющим при этнической бифуркации населения, и понятие «православного народа», возникшее еще на заре русской государственности, не потеряло своего значения до самого крушения монархической России.

«Россия была не национальным государством русских, а династически-сословнолегитимизированным многонациональным государством. Хотя в имперском патриотизме, который его объединял, имелись элементы, общие с русским этническим самосознанием (православие, общность истории культуры), в нем все же преобладали наднациональные черты» [6, с. 256].

В тех же случаях, когда определенные этноконфессиональные группы проявляли враждебное отношение к власти, их деятельность существенно ограничивалась или вообще пресекалась. Наиболее ярким проявлением политики подобного рода были отношения центральной власти и католической церкви, которая весь XIX век явно или тайно поддерживала польские

сепаратистские общественные настроения и антирусские политические движения.

Массовое, как правило, насильственное привнесение европейских ценностей и европейской культуры в Россию началось в самом начале XVIII века. Неистовый царь-реформатор Петр I привносил в отечественную действительность все, что по своему разумению считал нужным и важным.

Беда в том, что Петр, младший из детей Алексея Михайловича, был далеко не блестяще образован. Ни светского, ни церковного систематического образования будущий царь, увы, не получил [7, с. 458]. А не получив системного образования обладающий природными талантами и бешеной энергией монарх попросту не знал куда правильно направить эту энергию.

Б.П. Башилов так характеризует царя - «Петр Первый, как мы видим из характеристики основных черт его личности, Ключевским, — не мог иметь и не имел стройного миросозерцания. А люди, не имеющие определенного миросозерцания, легко поддаются под влияние других людей, которых они признают для себя авторитетами. Такими авторитетами для Петра, как мы видим, были Патрик Гордон и Лефорт, влияние которого на Петра, как признают все современники, было исключительно. Петр не самостоятельно дошел до идеи послать все московское к черту и переделать Россию в Европу. Он только слепо следовал тем планам, которые внушили ему Патрик Гордон и Лефорт до поездки за границу и различные европейские политические деятели, с которыми он встречался в Европе» [8].

Можно поспорить с этим утверждениями, однако сложно не заметить преклонение перед всем европейским и невероятную страсть Петра по изменению всего отечественного. Какие-то его реформы приживались, какие-то были преданы забвению сразу после его смерти, какие-то трансформировались сами собой до неузнаваемости - но страна выдержала такую оголтелую культурную экспансию главным образом потому, что эти нововведения затронули весьма малочисленный слой общества - русское дворянство.

Основные достижения в области культуры пришлось на вторую половину XVIII века. В это время национальность была не столь важна. Элита русского общества была объединена общей идеи служения Отечеству. Быть русским было модно. Именно русским, а не россиянином. По мнению историка А. Даниэля, слово «россиянин» – искусственное. Именно поэтому иностранцы приезжающие в Россию, уже во втором поколении полностью ассимилировались. История изобилует примерами такого быстрого, и безусловно добровольного вхождения в русское общество и принятия русской культуры. Бурхард Кристоф фон Мюнних (Христофор Антонович Миних), Питер Эдмонд де Ласси (Пётр Петрович Ласси), Сэмюэль Грейг (Самуил Карлович Грейг), Иван Крузенштерн, Фабиан Готтлиб Таддеус фон Беллинсгаузен (Фаддей Беллинсгаузен) и многие другие иностранцы – прекрасный пример отношения русских к иностранцам и иностранцев ко всему русскому.

Наивысшая точка развития национально-государственного самосознания пришлась на правление императора Александра III, который и был, пожалуй, самым русским из всех правителей. Показательно - узнав что возможно он потомок Екатерины II и Сергея Салтыкова, император толи в шутку, то ли всерьез сказал – «Ну слава Богу! Значит во мне точно есть русская кровь».

Россия в силу своей территориальной обширности не может быть демократией. Единственно возможная форма правления в России - это монархия. А для монархии одним из самых эффективных инструментов сплочения общества является вовсе не экономика, а идеология и религия. Примеры успешной реализации подобных принципов государственного строительства – античный мир. В Древней Греции и Древнем Риме главный показатель принадлежности к цивилизованному обществу – это знание языка и следование культурным нормам. Изначальное происхождение в этом случае имело второстепенное значение [9, с. 22].

Именно с религии начал князь Владимир, вследствие чего племенные союзы объединённые общей верой и как следствие – общей культурой стали

единым народом. Именно культурная экспансия была основным инструментом расширения русского государства. В этом отношении покорение Дикого Запада и освоение Сибири разительно различаются именно отношением к коренному населению.

В ходе покорения Северной Америки мешающие колонистам индейцы просто уничтожались. Исследователи расходятся в оценках масштабов этого явления, но не оспаривают тот факт, что это была целенаправленная государственная политика.

В Российском государстве во время колонизации Сибири ни о чем подобном речь не шла. Военные столкновения с местным населением во время колонизации безусловно случались, но о массового, поддерживаемого правительством уничтожении местного населения никогда не было.

Важным критерием социальной стратификации американского общества того времени была этническая принадлежность, тогда как в Российской империи это были личные качества. Великий русский поэт Пушкин для среднего американца того времени был не более чем квартироном, четверть африканской крови которого раз и навсегда определяла его статус в обществе. О какой толерантности могла идти речь?

Обратимся теперь к причинам внедрения толерантности в сознание западного обывателя. Активное распространение идеи толерантности выгодно прежде всего экономической элите государства и ее политическим ставленником. Это инструмент, который направлен, прежде всего, на увеличение нормы прибыли. Для толерантного общества идеи мультикультурализма куда как важнее сохранения национальной культуры и этнической самобытности [10, с. 105]. Унификация социума, формирование общества потребления, общества поклоняющегося Золотому тельцу – вот задача толерантности в современном ее понимании.

Для нашей страны эта идея является губительной. Терпеть чуждые идеалы, отказываться от гармонично вписанных в культурный контекст, веками опробованных и выверенных социальных институтов и моделей поведения в

уюду позитивному мнению о нашей стране за ее пределами – абсурдно. Желание влиться в семью европейских народов становящееся в отдельные исторические периоды просто маниакальным – как это было во время Петра I или Горбачева – крайне опасно для нашего государства.

Очень удачно эту мысль выразил Л.А. Тихомиров: «Политическая сущность бытия русского народа состоит в том, что он создал свою особую концепцию государственности, которая ставит выше всего, выше юридических отношений, начало этическое. Этим создана русская монархия, как верховенство национального-нравственного идеала, и она много веков вела народ к развитию и преуспеянию, ко всемирной роли, к первой роли среди народов земных — именно на основе такого характера государства» [11, с. 215].

Заметьте, речь идет не об экономике, политике или праве - о нравственности и культуре как краеугольном камне русской государственности.

Таким образом, толерантность, или терпимость, источником которой является экономические интересы государства и общества, прекрасно вписываясь в протестантское мировоззрение Западной Европы и США для России является явлением чуждым, ведущим к разрушению исторически сложившегося мировоззрения и национальной культуры как объединяющих элементов общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинская С. Г. Терпимость и политическое насилие // Полис. – 2004. – № 3. – С. 122-126.
2. Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. – М.: Праксис, 2007. – 285 с.
3. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Соч. : в 3 т. – М., 1988. Т. 3. – С. 91-134.
4. Макарычев И. Новый национальный вопрос Германии // Современная Европа. – 2004. – № 2. – С.72.

5. Толерантность против ксенофобий /Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. – М.: Институт социологии РАН, 2005. – 112 с.
6. Каппелер А. Россия - многонациональная империя. Возникновение, история, распад. – М.: Традиция - Прогресс-Традиция, 2000. — 344 с.
7. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн.2. – М.: Мысль, 1993. – 584 с.
8. Башилов Б. П. Робеспьер на троне. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bookcity.club/36766-борис-башилов-робеспьер-на-троне.html> (Дата обращения: 09.02.2018).
9. Куракова Т.В. Проблема общероссийской и региональной идентичности на современном этапе // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 2. – С. 21-23.
10. Тихомиров Л.А., Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – 672 с.

REFERENCES

1. Il'inskaya S. G. Terpimost' i politicheskoe nasilie // Polis. – 2004. – № 3.– С. 122-126.
2. Il'inskaya S. G. Tolerantnost' kak princip politicheskogo dejstviya: istoriya, teoriya, praktika. – М.: Praxis, 2007. – 285 s.
3. Lokk Dzh. Poslanie o veroterpimosti // Soch. : v 3 t. – М., 1988. Т. 3. – S. 91-134.
4. Makarychev I. Novyj nacional'nyj vopros Germanii //Sovremennaya Evropa. – 2004. – № 2. – S.72.
5. Tolerantnost' protiv ksenofobij /Pod red. V.I. Mukomelya i E.H.A. Paina. – М.: Institut sociologii RAN, 2005. – 112 s.
6. Kappeler A. Rossiya - mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad. – М.: Tradiciya - Progress-Tradiciya, 2000. — 344 s.
7. Klyuchevskij V. O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij v 3 kn. Kn.2. – М.: Mysl', 1993. – 584 s.

8. Bashilov B. P. Robesp'er na trone. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.bookcity.club/36766-boris-bashilov-robesp'er-na-trone.html> (Data obrashcheniya: 09.02.2018).

9. Kurakova T.V. Problema obshcherossijskoj i regional'noj identichnosti na sovremennom ehtape // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2013. – № 2. – S. 21-23.

10. Tihomirov L.A., Monarhicheskaya gosudarstvennost'. – M.: GUP «Oblizdat», TOO «Alir», 1998. – 672 s.

*PROBLEMS OF GLOBALIZATION AND MULTICULTURALISM
IN THE MULTI-ETHNIC SPACE OF MODERN RUSSIA*

P.V. PROKHODA

*Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov
(Krasnodar branch)
360, Severnaya st., Krasnodar, 350015,
e-mail: prohodapv@mail.ru*

The article discusses approaches to the definition of tolerance and multiculturalism in the context of globalization, and analyzes the Western European experience and the dangers of the Western European experience of ethnic policy in relation to the Russian Federation. The paper analyzes the differences between historical and socio-political conditions for the formation of peaceful coexistence in Western Europe and Russia.

Key words: culture, tolerance, multiculturalism, liberal ideas, assimilation, migration, peaceful coexistence.